

УДК 820«19/20»
ББК 83.3(4Вел)5

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-28-36

ГЕРОЙ «ПЕРЕХОДНОГО ВЕКА» В ПОЭМЕ А. Х. КЛАФА “AMOURS DE VOYAGE”

Н. И. Соколова

Аннотация. Поэма “Amours de Voyage”, одно из самых известных произведений викторианской эпохи, была написана под впечатлением от поездки А. Х. Клафа в Италию в 1849 г. в период борьбы за Римскую республику против неаполитанских, французских и австрийских войск. В письмах поэта впечатления от шедевров искусства соединяются с описанием политической ситуации и восхищением героизмом республиканцев. Эти события преломляются в “Amours de Voyage”, эпистолярном романе в стихах, но сюжет произведения основан на любовных приключениях Клода, главного героя. Поэт был против отождествления себя с Клодом. Герой поэмы – интеллектуал, выпускник Оксфорда, погруженный в саморефлексию, скептически относящийся к вопросам религии, искусства, патриотизма, рыцарских качеств. Неприязнь к действию и к обязательствам приводит его к краху в любви. Викторианцы были озабочены поисками героев, волевых личностей, которые приведут нацию к духовному возрождению. Клод – выражение авторской уверенности в бесплодности попыток найти такую личность среди его современников.

Ключевые слова: поэма, гекзаметры, эпистолярный роман, эпиграф, герой, искусство, республика, викторианцы.

Для цитирования: Соколова Н. И. Герой «переходного века» в поэме А. Х. Клафа “Amours de Voyage” // Наука и школа. 2021. № 4. С. 28–36. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-28-36.

THE HERO OF “AN AGE OF TRANSITION” IN A. H. CLOUGH’S POEM “AMOURS DE VOYAGE”

N. I. Sokolova

Abstract. The poem “Amours de Voyage”, one of the most famous works in Victorian literature, was created under the impression of A. H. Clough’s travelling to Italy in 1849 in

© Соколова Н. И., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the period of fighting for the Roman Republic against the Neapolitan, French and Austrian troops. So the attitude to the artistic masterpieces in Clough's letters are interrelated with his description of the political situation and admiration of the republicans' heroism. These events are reflected in "Amours de Voyage", the epistolary novel in verse, but the plot of the work is based on Claude's, the main hero's, love affair. The poet protested against identification of himself with Claude. The hero of the poem is an intellectual, Oxonian, deeply involved in self-reflection, skeptical about the questions of religion, art, patriotism, chivalrous qualities. His dislike of action and obligation leads to his failure in love. The Victorians were preoccupied with the search for heroes, strong-willed personalities who would lead the nation to spiritual revival. Claude is the author's declaration of fruitlessness of the attempts to find such a person among his contemporaries.

Keywords: *poem, hexameters, epistolary novel, epigraph, hero, art, republic, Victorians.*

Cite as: Sokolova N. I. The Hero of "an age of transition" in A. H. Clough's Poem "Amours de Voyage". *Nauka i shkola / Science and School*. 2021, No. 4, pp. 28–36. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-4-28-36.

А. Х. Клаф приобрел репутацию поэта, не заботящегося об эстетической ценности своих произведений, чем заслужил упреки современников. «Думайте о том, создаете ли вы прекрасное, доставляют ли ваши произведения УДОВОЛЬСТВИЕ, а не просто вызывают любопытство и побуждают к размышлению» (PLEASURE – выделено Арнольддом. – Н. С.) [1, р. 99], – писал его ближайший друг М. Арнольд, убежденный, что в стиле проявляется «благородство характера поэта» [1, р. 101]. Между тем Клаф в своем творчестве чутко реагировал на изменения в интеллектуальном климате эпохи, названной Д. С. Миллем «веком переходным» ("an age of transition"), когда «человечество переросло старые установления и доктрины, но еще не приняло новых» [2]. Образ мыслей современников, переживавших, как и он сам, этот сложный период, Клаф передал в поэме "Amours de Voyage", ставшей одним из самых известных произведений викторианского века.

Появление на свет поэмы имеет свою историю. Произведение было написано в 1849 г. по возвращении ее автора из путешествия по Италии. Но Клаф не торопился отдавать рукопись в печать,

поначалу лишь разослав ее знакомым. Сохранилось письмо Д. С. Шейрпа, который обнаружил в поэме проекцию самого «вертеровского» состояния души из всего написанного Клафом. Гексаметры, по Шейрпу, создают эффект пародии, избытие проклятий «и прочих бранных слов» является свидетельством «дурного вкуса». Шейрп советовал другу не публиковать поэму, а если он все-таки захочет напечатать ее, то не отдельной книгой, а в каком-нибудь периодическом издании, поскольку со временем, когда изменится его настроение, книги, в которых оно выражено, могут стать для него «камнем на шее» [3, р. 275]. «В целом, – заключал Шейрп, – я воспринимаю "Les Amours" как освобождение вашего естества от скопившейся желчи» [3, р. 275]. Шейрп критиковал и заключительную часть поэмы, «слишком скептическую» для «прекрасной, верной души» Клафа, который мог бы помочь герою – «злосчастному идиоту» ("the unfortunate fool of a hero") обрести силу духа в финале [3, р. 278].

В своем ответе Клаф писал, что ему хотелось узнать мнение друга не столько по поводу замысла поэмы, сколько способа его воплощения. Что касается

предположения Шейрпа, будто “Amours de Voyage” является его самовыражением, то это «в высшей степени не так» (“it is extremely *not so*”, курсив Клафа. – Н. С.) [3, р. 276]. Однако поэт последовал совету Шейрпа относительно публикации поэмы, которую отдал в печать в американский журнал “The Atlantic Monthly”, где она появилась в 1858 г. Отзыв Р. У. Эмерсона, который состоял в дружбе с Клафом и высоко ценил его дарование, был неоднозначным. Знаменитого трансценденталиста привело в восторг проявление в “Amours de Voyage” «искренности британской культуры», что он считал невозможным для американца, но гекзаметры, по его мягкому замечанию, «напугали» (“frightened”) некоторых его сограждан. Как и Шейрпа, его огорчил финал поэмы. «Как могли вы потратить столько усилий на несостоявшуюся мечту?» – спрашивал он Клафа, сетуя на обманутые читательские ожидания и считая подобные концовки «достаточно плохими в жизни и недопустимыми в поэзии» [3, р. 548].

В отношении стиля подобные отзывы вполне согласовывались с репутацией Клафа. Белый стих, обилие анжанбеменов, разговорные обороты (“in short”, “God knoweth”, “alas”, “I fear me”...) создавали эффект непринужденной речи, естественной при обращении к близкому человеку. “Amours de Voyage”, по сути, является эпистолярным романом в стихах.

Основную часть поэмы составляют письма путешественника по Италии главного героя Клода к его другу Юстесу, меньшее место отводится письмам сестер из семейства Тревеллинов, с которыми он знакомится в дороге. Поэме предшествуют четыре эпиграфа. В первом приводится известная цитата из «Двенадцатой ночи» по поводу «больного самолюбия» Мальволио (“Oh, you are sick of self-love, Malvolio, /And taste with a distempered appetite” [4, р. 97]), источником второго («Он сомневался во всем, даже в любви») назван некий «французский роман», за

ним следует латинское изречение “solvitur ambulando”, «решается ходьбой», в четвертом эпиграфе Клаф цитирует Горация: «Оплакивал он любовь/ Необработанным слогом» [4, р. 97]. При этом, как отмечает в своем эссе о Клафе Дж. Барнс, горациево “amorem” («любовь») Клаф заменяет множественным числом “amores” («любви») [5, с. 34]. Все эпиграфы связаны с сюжетом поэмы и чертами характера Клода.

У первых читателей были основания подозревать о близости автора поэмы ее герою. Как ранее байроновский Чайльд-Гарольд, Клод повторяет маршрут его создателя, становится свидетелем тех же событий. Некоторые впечатления героя почти текстуально совпадают с теми, что обнаруживаются в переписке Клафа. Как и Байрон, Клаф называет каждую часть поэмы песней (canto), в “Amours de Voyage” таких песней пять. В прологе и эпилоге к каждой песни приводится лирическое отступление, которое может быть в равной мере выражением мыслей как героя, так и его автора. Между тем Клаф не случайно протестовал против отождествления себя с героем. Автор “Amours de Voyage” столь же отличен от Клода, как великий романтик от Чайльд-Гарольда.

В Клоде Клаф создал обобщенный образ современного ему интеллектуала, выпускника Оксфорда, переживающего чувства, источник которых М. Арнольд в лекции 1857 г. обнаруживал в «доминировании мысли, рефлексии» как черте современности: «чувство депрессии, чувство скуки», “the feeling of depression, the feeling of *ennui*” [6]. Именно эти чувства определяют характер героя поэмы Клафа.

Пролог к первой песни “Amours de Voyage”, по сути, относится ко всей поэме. В нем звучит призыв уехать в страну, по земле которой ступали боги древности, хотя при этом чей-то шепот будет внушать, что мир повсюду будет оставаться «тесной лачугой»: “The world that

we live in./ Whithersoever we turn, still is the same narrow crib" [4, p. 99]. Иными словами, смена обстановки не сможет изменить состояния души.

Приезд Клафа в Италию пришелся на сложный период ее истории. Против Римской республики, провозглашенной 9 февраля 1849 г. в Папской области, были направлены войска из Неаполя при поддержке Франции и Австрии с целью восстановления Папского государства. На улицах Рима были сооружены баррикады, многие ворота были закрыты. Тем не менее Клафу удалось осмотреть достопримечательности, традиционно привлекающие туристов. Его первое впечатление было негативным, он признается матери, что Рим разочаровал его: «Римские древности кажутся мне интересными лишь как древности, не из-за их красоты». Но при этом «подлинно прекрасной реликвией» [3, p. 18] он находит Триумфальную арку Тита. Авторское отношение к Риму передается герою, который дважды заявляет в письме к Юстесу, что его разочаровал Рим ("Rome disappoints me much" [4, p. 99]), его восхищает лишь Арка Тита и вид с Латеранского холма. Возможно, по его размышлению, лучше оказалась бы Греция, но, вероятно, в Афинах, Дельфах, в Трое или на горе Синай увидел бы лишь суету. Форум, собор святого Петра, Колизей – все разочаровывает его.

В письмах к матери Клаф сетовал, что ему приходится дожидаться разрешения посетить Ватикан. Получив его, наконец, он восхищается мраморными изваяниями: Минервой в зале бюстов, Юноной Барберини, Венерой Книдской [3, с.258]. Клод отмечает не эстетические достоинства статуй, а их несоответствие христианству. «Юнона, Церера, Минерва, Аполлон, музы и Вакх... принадлежат к Царствию Небесному?» [4, p. 106], – иронически вопрошает он друга. Нельзя сказать, что Клод вовсе чужд прекрасному. Он находит, что стоит увидеть «великий Колизей» [4, p. 117] в полнолуние,

его восхищает природа Италии, и ему даже кажется, что среди этих пейзажей все еще бродят бледные призраки фавнов, нимф и граций [4, p. 130]. В эпилоге, завершающем первую песнь, выражен восторг перед Альба-Лонгой и достопримечательностями Рима, но здесь звучит скорее голос автора, чем героя, над непосредственными впечатлениями которого в большинстве случаев довлеет скепсис и ироническая дистанция.

В поэме находят преломление религиозные дискуссии, ведущиеся среди викторианцев, переживавших кризис веры под влиянием естественнонаучных открытий, популярных материалистических концепций. Сам Клаф не был чужд сомнений, тревоживших сознание его современников, но при этом он был убежден в том, что «человек не может жить, действовать и размышлять, не ощущая значимости и глубины нравственного и религиозного учения, распространяющегося среди нас под названием христианства» [7]. Не провяляя атеистических взглядов, Клод, подобно многим современникам, при этом критически относится к разным конфессиям, в его рассуждениях обнаруживаются и отголоски характерных для викторианской эпохи споров о преимуществах христианского и языческого мироощущений. К рассуждению о вере Клода побуждает вид католических храмов, и он выражает уверенность в том, что средоточием христианства является не Рим, а Фрейбург, Реймс, Вестминстерское аббатство. Но он не склонен идеализировать и Лютера, находя его «неразумным» ("unwise", "foolish"), поскольку Лютер не понимал, что источником старых заблуждений является память. Но при этом Клод обрушивается на католицизм с его «псевдоучением и ложью, исповедальнями и ритуалами» [4, p. 102]. Бродя под коринфскими колоннами Пантеона, герой мысленно заполняет его ниши «не мучениками и святыми, и Девами, и младенцами» [4, p. 104–105], но объектами древнего поклонения – античными богами.

В письмах Клафа впечатления о достопримечательностях Италии соседствуют с рассказами об ожесточенных боях за Римскую республику. Он лично встречался с одним из ее лидеров Джузеппе Мадзини, которому должен был передать портсигар в подарок от Т. Карлейля. Его восхищало мужество республиканцев. «Устоит ли Римская республика, я не знаю, – писал поэт, – но, вдохновленная Мадзини, она проявила поразительную энергию и славное благородство» [3, р. 255]. Клаф посещал больницы в Монте Карло и передал для раненых флаконы с одеколоном [3, р. 262]. Он выражал надежду, что французы не разгромят республиканцев, но произойдет обратное [3, р. 268].

По замечанию К. Чорли, читателя писем Клафа и особенно его поэмы поражает контраст жестокости эпизода истории и «вечной ценности искусства» [8, р. 189]. Именно эту мысль декларирует Клод, рассуждая о битвах за республику: “Alas, 'tis ephemeral folly,/ Vain and ephemeral folly, of course, compared with pictures,/ Statues and antique gems” [4, р. 102]. Между тем рассуждения Клода о событиях в Италии являются и средством характеристики героя. Клод рад временной победе республиканцев и поражению французов [4, р. 114], он прославляет «благородного Мадзини» (“all honour to thee, thou noble Mazzini” [4, р. 118]). Но во вступлении к третьей песни звучит призыв покинуть город, удалиться от «шума, крика и сплетен войны» (“away from the stir, shouting and gossip of war” [4, р. 118]), наслаждаться с возлюбленной красотами Апеннин, что выражает настроение героя. Клод признается другу, что хотел бы находиться вдали от этой «суматохи» (“pothor”) и что ему нет дела до Римской республики: “What's the/ Roman Republic to me, or I to the Roman Republic?” [4, р. 124], сам он не способен сражаться.

Клаф разделял озабоченность современников по поводу растущего эгоизма,

одинокости человека в обществе, где, по словам Т. Карлейля, господствует «полнейшее разделение, изоляция» [9, р. 198]. Такую картину мира Клод считает закономерной, утверждая, что по законам природы люди предоставлены самим себе: каждый ест и переваривает для себя, заботится о собственной жизни и о самосохранении: “Each has to eat for himself, digest for himself, and in general/ Care for his own dear life and see to his own preservation” [4, р. 111]. Возможно, приятно и красиво умереть за Родину (“Sweet it may be and decorous for the country to die” [4, р. 111]), но сам герой, по его признанию, не склонен к самопожертвованию. Смерть, по его размышлению, может быть благородной, дым жертвенника поднимется к небу, его аромат вознесется к Кому-то (“the smoke of the sacrifice rises to heaven,/ Of a sweet savour, no doubt, to Somebody” [4, р. 114]), но на алтаре останется лишь горстка пепла и грязь с неприятным запахом. «Некто» (“Somebody”) на небесах – красноречивая деталь, отражающая отношение к вере современного поэта интеллектуала, оказавшегося во власти сомнений. Более полно это отношение выражено в стихотворении Клафа “That there are powers above us I admit”, герой которого готов признать, что существуют высшие силы, и он не станет утверждать, что они не помогут тем, кто будет молить их о помощи: “And when we lift up our holy hands in prayer/ I will not say they will not give us aid” [4, р. 96].

Клод демонстрирует отсутствие не только героизма, но и рыцарских чувств. Он задается вопросом, как повел бы себя, если бы англичане в Италии оказались под угрозой нашествия французских или неаполитанских солдат: смог бы он рисковать жизнью для спасения соотечественницы? На этот вопрос он отвечает отрицательно: он оказал бы помощь ребенку, но он не ощущает в себе призвания к самопожертвованию ради «цветущей леди» (“Ah, for a child in the

street I could strike; for the full-blown lady –/ Somehow, Eustace, alas, I have not the vocation” [4, p. 112]).

Между тем главным для Клода становится испытание любовью, составляющее основу сюжета поэмы. В ее названии, как и в эпиграфе из Горация, слово «любовь» употреблено во множественном числе. Во множественном числе французское *amours* употребляется в значении «страсть». Таким образом, “*Amours de Voyage*” можно перевести и как «Дорожная страсть», и как «Страсть во время путешествия», что указывает на кратковременность, эпизодичность любовного чувства. Случайными спутниками Клода становятся члены семейства Тревеллинов, три сестры (Джорджиана, Мэри и Сьюзен) и их родители, которых сопровождает университетский знакомый Клода и Юстеса Джордж Вернон, жених Джорджианы.

Поначалу Клод отзывается о Тревеллинах со снобизмом интеллектуала, выпускника Оксфорда, оправдывая эпиграф о «большом самолюбии» Мальволио. По его характеристике, Тревеллины – люди из среднего класса, вероятно, банкиры, не вполне свободные от «налета торговой лавки» (“not wholly pure of the taint of the shop” [4, 103]). При этом его критика, основанная на чувстве собственного превосходства, оказывается несправедливой. Из писем сестер явствует, что им свойственна свежесть восприятия, способность непосредственно восхищаться красотой памятников архитектуры и искусства, утраченная Клодом из-за его скепсиса и склонности к критике. Если Рим разочаровывает героя, то Тревеллины находят его «чудесным местом» (“Rome is a wonderful place” [4, p. 101]). При более близком знакомстве Клод признается другу, что ему становится приятным общество Тревеллинов и что он рад тому, что и его общество приятно им, подшучивая при этом надо самим собой: он стыдится самого себя (“I am ashamed of my own self”

[4, p. 107]), оттого что ему нравится доставлять удовольствие нижестоящим, приходит к выводу, что отец семейства – «хороший здравомыслящий человек» (“a good sensible man” [4, p. 106]), и ему уже становится безразличным род занятий его попутчика. Мать семейства раздражает его, подражая, по его мнению, синим чулкам, цитируя «Чайльд-Гарольда», рассуждая о Вордсворте, Шиллере, религиозных разногласиях, расспрашивая его об Оксфорде, что, однако, для читателя является свидетельством ее образованности (XI письмо первой песни).

Но и у Тревеллинов Клод вызывает противоречивые чувства. Своими впечатлениями сестры делятся в письмах к Луизе, их общей подруге. Мать семейства обеспокоена «странными суждениями» Клода и подозревает, что он может принять католичество, «стать папистом» (“may be turning a papist” [4, p. 108]), Мэри признает превосходство героя, но при этом находит его «ужасно эгоистичным» (“terribly selfish” [4, p. 109]).

Между тем Клод влюбляется в Мэри, об интенсивности его чувства свидетельствует четырехкратно повторяющееся признание «Я влюблен» (“I am in love” [4, p. 118]) в кратком письме к Юстесу. Его восхищает интеллектуальные качества Мэри, ее способность рассуждать о проблемах, касающихся души и разума, сохраняя при этом скромность, искренность (X письмо второй песни). Однако отношение Клода к любви неоднозначно. В письме к другу он выделяет два типа влечения: первый связан с беспокойством, тревогой, второй позволяет сохранять равновесие, сам он отдает предпочтение второму. Клод не хочет быть растроганным, движимым чувством, решительное действие представляется ему опасным: “I do not like being moved: for the will is excited; and action/ Is a most dangerous thing” [4, p. 119]. Таким образом, заложенный в латинском эпиграфе призыв

к активности («решается ходьбой»), который мог бы стать для Клода залогом его счастья в любви, оказывается для него неприемлемым. Герой не уверен в ответном чувстве возлюбленной, понимая, что не соответствует традиционно женскому идеалу смелого, волевого, энергичного героя ("For the woman, they tell you, /Ever prefers the audacious, the willful, the vehement hero" [4, 120]), но ему хочется следовать за Мэри повсюду (письмо VIII второй песни).

Хотя по намекам в письмах Мэри к подруге можно догадаться о ее равнодушии к герою, отсутствие активных действий с его стороны вызывает ее недоумение, она даже не может понять, увлечен он Сьюзен или ею самой (письмо XIV второй песни). В конце концов Джорджиана, которая находит Клода "too shilly-shally" («слишком нерешительным») [4, p. 121], просит жениха поговорить с героем напрямую о его намерениях. Разговор с Верноном шокирует Клода и становится решающим для его «дорожной любви». Фактически он спасается бегством, отказываясь сопровождать Тревеллинов во Флоренцию под предлогом, что ему хочется осмотреть статуи в Ватикане. Он признается Юстесу, что его страшат обязательства ("Terrible word, Obligation!" [4, p. 129]). Жизнь привлекательна для него, когда она подобна прогулке по городу в ожидании смены экипажа или комнате, заполненной изысканными картинами, даже если просто представляется прекрасной землей.

Узнав от оставшейся в Риме мисс Ропер, его дальней родственницы и подруги сестер Тревеллинов, что Вернон говорил с ним по просьбе Джорджианы, Клод, ранее подозревавший в произошедшем Мэри, начинает сожалеть об утрате любви. В эпилоге третьей песни и в прологе к четвертой звучит внутренний голос героя, который размышляет, куда ему отправиться, он будет скитаться, усталый, но движимый страстным стремлением, побуждаемый уверенностью, что ему удастся найти возлюбленную.

Клод пытается нагнать семейство Тревеллинов, следуя за ними по их маршруту. Но он не может застать их во Флоренции, в Милане, в Белладжиио, в Комо. Мэри тем временем также надеется, что Клод присоединится к ее семье, но счастливого воссоединения героев не происходит. Клод прекращает бесплодные поиски, решив, что ему предначертано стремиться лишь к Абсолюту, он хочет забыть Мэри, которая достойна более благородного сердца, чем его собственное (письмо V пятой песни). В дальнейшем ему остается, в соответствии с горациевым эпиграфом, «оплакивать любовь необработанным слогом». Себя он называет трусом, уклонившимся от битвы, храбрость для него может быть лишь фальшивой, неестественной, бесполезной: "I am a coward, and know it./ Courage in me could be only factitious, unnatural, useless" [4, p. 139]. Его трогает до слез звучание английского псалма, и ему начинает казаться, что в вере он найдет нравственную опору. Но Клод честен сам с собой, и здесь обнаруживая фальшь: он признает только факты и истину ("Fact shall be fact for me, and the Truth the Truth as ever" [4, p. 140]). В конце концов, даже утраченная любовь кажется ему фальшивой: "there was something factitious about it" [4, p. 140]. Ему было больно, он плакал, но так плачут и актеры: "I have had pain, it is true; have wept; a so have the actors" [4, p. 142]. Рассуждения Клода в полной мере соответствуют французскому эпиграфу («Он сомневался во всем, даже в любви»).

В прологе к пятой песни, звучит не «я» героя, но «мы» ("we") как указание на размышления, общие для всех участников драмы: остаться в Италии, отправиться на Сицилию, в Грецию, на Восток или вернуться в Англию? Семейство Тревеллинов выбирает Англию, Клод намерен отправиться на Восток, чтобы к зиме прибыть в Египет. Пути героев, таким образом, расходятся.

Деление поэмы на песни соответствует эпизодам дорожной любви Клода.

В первой песни он знакомится с Тревеллинами, пишет другу о первых впечатлениях об этом семействе. Вторая песнь связана с развитием его любви к Мэри. В третьей он разочаровывается в любви и прерывает общение с Тревеллинами, в четвертой, узнав о непричастности Мэри к разговору с Верноном, пытается воссоединиться с Тревеллинами, в пятой прекращает поиски и решает забыть о своей любви. Отсутствие счастливого конца, в котором друзья упрекали Клафа, было закономерным. В заключительных строках поэмы упоминается о «жалких и беспокорных молодых людях, рожденных в бесславные дни» (“Feeble and restless youths born to inglorious days” [4, p. 145]). Подобно Чайльд-Гарольду Байрона, Клод с его неприязнью к активному действию остается лишь сторонним наблюдателем происходящего в жизни.

Между тем исследователи не единодушны в сопоставлении Клода с другими литературными персонажами. У. Хутон называет героя Клафа Гамлетом своего века (“the Hamlet of the age” [10, p. 126]), исходя из склонности Клода к самоанализу. Этого же мнения придерживается Д. Уильямс, замечая, что для Клода-Гамлета роль Лаэрта исполняет Джордж Вернон [11, p. 90]. Но Клод – прежде всего индивидуалист, он далек от желания шекспировского героя вернуть на место вышедшее из суставов время. У. В. Хэррис сопоставляет Клода с Дарси: оба они

должны преодолеть свое изначальное презрение к семейству возлюбленной, однако исследователь тут же делает оговорку, что, в отличие от героя «Гордости и предубеждения» Дж. Остен, Клоду не свойственна «непоколебимая решительность» [12, p. 70]. Р. К. Бисвоз называет Клода предшественником Пруфрока Т. С. Элиота, а также «потомком Вертера и Манфреда, и Чайльд-Гарольда, Рене и Обермана» [13, p. 199]. Наиболее любопытным и в сущности обоснованным представляется замечание Дж. Барнса о сходстве Клода «с теми нерешительными, застенчивыми, скованными созданиями, что населяют русскую литературу девятнадцатого века» [5, с. 38].

Но Клод – прежде всего герой своей страны и эпохи. Викторианцы были озабочены поисками героя, который приведет нацию к духовному возрождению, избавит ее от «депрессии и скуки». Т. Карлейль прославил героя как сильную личность, подчиняющую себе волю других людей для достижения высокой цели: «Старший над людьми, чьей воле мы должны подчиниться и добровольно уступить и найти в этом благо, может считаться первым из Великих» [14, p. 178]. Создав в “Amours de Voyage” образ антигероя, воспринимаемого по контрасту с характеристикой Карлейля, Клаф, по сути, поставил под сомнение появление такой личности в условиях «переходного века».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Arnold M.* The Letters of Matthew Arnold to Arthur Hugh Clough / Ed. with an Introductory Study by Howard Foster Lowry. N. Y.: Russell and Russell, 1968. 192 p.
2. *Mill J. S.* The Spirit of the Age. URL: <https://oll.libertyfund.org/page/mill-s-spirit-of-the-a> (дата обращения: 22.03.2021).
3. *Clough A. H.* Correspondence: In 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1957. 656 p.
4. *Clough A. H.* Selected Poems. Harmondworth: Penguin Books, 1991. 258 p.
5. *Барнс Дж.* Непозитичный Клаф // Барнс Дж. За окном / пер. с англ. Е. С. Петровой. М.: Эксмо, 2013. С. 26–40.
6. *Arnold M.* On the Modern Element in Literature. URL: <https://doku.pub/download/matthew-arnold-on-the-modern-element-in-literature-p51woeww35qj> (дата обращения: 22.03.2021).

7. Clough A. H. Notes on the Religious Tradition. URL: <http://www.telelib.com/authors/C/CloughArthurHugh/prose/poemsproseremainsv1/religioustradition.html> (дата обращения: 28.03.2021).
8. Chorley K. Arthur Hugh Clough. *The Uncommitted Mind: A Study off his Life and Poetry*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 372 p.
9. Carlyle T. *Past and Present*. L.: Chapman and Hall, 1845. 399 p.
10. Houghton W. *The Poetry of Clough. An Essay in Revaluation*. New Haven: Yale University Press, 1963. 236 p.
11. Williams D. *Too Quick Despairer. The Life and Work of Arthur Hugh Clough*. L.: Rupert and Hart-Davis, 1969. 166 p.
12. Harris W. V. *Arthur Hugh Clough*. N. Y.: Twayne Publishers, 1970. 175 p.
13. Biswas R. K. *Arthur Hugh Clough. Towards a Reconsideration*. Oxford: The Clarendon Press, 1972. 489 p.
14. Carlyle T. *Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History*. Oxford: Clarendon Press, 1925. 256 p.

REFERENCES

1. Arnold M. *The Letters of Matthew Arnold to Arthur Hugh Clough*. Ed. with an Introductory Study by Howard Foster Lowry. N. Y.: Russell and Russell, 1968. 192 p.
2. Mill J. S. *The Spirit of the Age*. Available at: <https://oll.libertyfund.org/page/mill-s-spirit-of-the-a> (accessed: 22.03.2021).
3. Clough A. H. *Correspondence: In 2 vols*. Oxford: Clarendon Press, 1957. 656 p.
4. Clough A. H. *Selected Poems*. Harmondworth: Penguin Books, 1991. 258 p.
5. Barnes J. Nepoetichnyy Klaf. In: Barnes J. *Za oknom*. Transl. from English by E. S. Petrova. Moscow: Eksmo, 2013. Pp. 26–40.
6. Arnold M. On the Modern Element in Literature. Available at: <https://doku.pub/download/matthew-arnold-on-the-modern-element-in-literature-p5lwoeww35qj> (accessed: 22.03.2021).
7. Clough A. H. Notes on the Religious Tradition. Available at: <http://www.telelib.com/authors/C/CloughArthurHugh/prose/poemsproseremainsv1/religioustradition.html> (accessed: 28.03.2021).
8. Chorley K. *Arthur Hugh Clough. The Uncommitted Mind: A Study off his Life and Poetry*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 372 p.
9. Carlyle T. *Past and Present*. London: Chapman and Hall, 1845. 399 p.
10. Houghton W. *The Poetry of Clough. An Essay in Revaluation*. New Haven: Yale University Press, 1963. 236 p.
11. Williams D. *Too Quick Despairer. The Life and Work of Arthur Hugh Clough*. London: Rupert and Hart-Davis, 1969. 166 p.
12. Harris W. V. *Arthur Hugh Clough*. N. Y.: Twayne Publishers, 1970. 175 p.
13. Biswas R. K. *Arthur Hugh Clough. Towards a Reconsideration*. Oxford: The Clarendon Press, 1972. 489 p.
14. Carlyle T. *Lectures on Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History*. Oxford: Clarendon Press, 1925. 256 p.

Соколова Наталья Игоревна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: sokol.n@list.ru

Sokolova Natalia I., ScD in Philology, Full Professor, Professor, World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: sokol.n@list.ru

*Статья поступила в редакцию 19.04.2021
The article was received on 19.04.2021*